

Плейлист

Two Feet – Fire In My Head
Two Feet – I Feel Like I'm Drowning
Michael Buble – Feeling Good
BVLKES – Mistletoe
Natasha Blume – Black Sea
Selena Gomes – Lose You To Love Me
Matt Maeson – Pull It On Me
Blakey feat. JONES – Prism Of Love
Zella Day – High
Stephen Sanchez – The Pool
Michele Morrone – Feel It
Stepen Sanchez – Until I Found You
Charlotte Lawrence – Joke's On You
Edith Whiskers – Home Slowed
Alexander Stewart – Blame's On Me

Осенний вечер «порадовал» холодным ветром и нудным проливным дождем. Матвей Озеров нещадно опаздывал на свидание. Он гнал автомобиль по скользкому темному шоссе, рискуя в любой момент попасть в аварию и слететь с дороги. Дворники на лобовом стекле трудились на пределе возможностей, но видимость по-прежнему оставалась ужасной.

Прошло еще полчаса, прежде чем мужчине удалось припарковаться у маленькой кофейни на окраине. Быстро взглянув в зеркало, он пригладил мокрые волосы. Нахмурился, недовольный результатом, и взъерошил их — пусть смотрятся естественно. Незнакомка не должна подумать, будто он готовился к встрече. Хотя чего уж тут: наверняка девушка давно ушла, ведь он опоздал на целых... сколько там?

Посмотрев на часы, мужчина выругался. Сорок пять минут. Плохо, очень плохо. Во всем виновата проклятая лекция, которую ему пришлось читать вместо профессора Князева. Матвей открыл дверцу и поморщился. Ливень хлестал беспощадно, а у него даже зонта не было. Если знакомка все еще дожидалась его в кофейне, то он рисковал заявиться к ней в мокрой одежде.

Накрыв голову свежим изданием научного журнала, Озеров вышел из машины и... как назло, наступил в глубокую лужу.

— Твою мать! — выдохнул он.

«Ладно, какая теперь разница».

Держа одной рукой журнал над головой, второй он захлопнул дверцу автомобиля и щелкнул «сигналкой». Расстояние до входа в заведение Матвей преодолевал, матерясь и перешагивая через лужи, а ветер, словно издеваясь, гнал колючие дождевые капли прямо за воротник.

Кофейня казалась большим светлым пятном в бушующем погодном хаосе. Прежде чем потянуть дверь на себя, мужчина остановился и приткнулся лицом к стеклу. Половина столиков пустовала. Оставшиеся занимали компания подростков, пожилая пара, одинокий мужчина и... она. Девушка. Длинные каштановые волосы, прямая спина, изящный изгиб шеи и подбородка. Утонченная и какая-то... невесомая.

Незнакомка сидела к нему вполоборота, поэтому Матвей не мог полностью оценить ее внешние данные, но то, что он видел, ему определенно нравилось. Девушка была молода и стройна. Если она окажется хотя бы не слишком страшной, то он останется. Возможно, они хорошо проведут время в одной из гостиниц. Только секс, никаких обязательств — вот о чем они договаривались с OlyaBadGirl — так назвалась девушка в приложении для знакомств.

Нет, Матвей не был озабоченным разводилой, который сутками сидит в Интернете, пытаясь подцепить одинокую разведенку или малолетнюю дурочку для сексуальных утех. Он много работал на кафедре в университете, а вечера уделял маленькой дочери

- Очень плохой профессор -

Вере. Мужчина решил воспользоваться приложением, чтобы просто найти себе подругу на вечер.

За последние пару лет он привык по-быстрому сбрасывать напряжение в кулак, стоя под душем, но тут... ему вдруг захотелось живой женщины. Хоть раз. Чтобы вспомнить, что он тоже живой и еще на многое способен. Да еще и реклама этого приложения так некстати попала на глаза в соцсетях: одно неверное движение, и он уже перешел по ссылке.

Матвей не знал, кого увидит в кофейне. OlyaBadGirl не выкладывала фотографий в своем профиле. В переписке она была скромной и немногословной, на все его вопросы отвечала односложно — совсем не характерно для плохой девчонки. Но его привлекло объявление: «Ищу порядочного мужчину с красивым телом для ничего не обязывающей встречи. Только секс, никаких разговоров по душам». И ему это подходило: уж чего-чего, а в душу к себе Матвей Озеров никого впускать не собирался. Да и с порядочностью и красивым телом у него тоже, как он считал, не было особых проблем.

Дверь отворилась бесшумно: ни скрипа, ни звона колокольчика. В мягко льющейся из динамиков джазовой музыке и монотонном гуле голосов, привычном для такого заведения, как кафе, приход мужчины остался практически незамеченным. Только подростки почти без интереса полоснули по нему равнодушными взглядами и тут же отвернулись.

Озеров замялся у входа, отряхивая мокрый журнал. Бесполезно. Дорога печатному изданию теперь только в мусорную корзину. Но таковой в помещении не имелось, поэтому Матвей по-быстрому скрутил журнал в рулон и сунул под мышку. Незнакомка

все еще была увлечена своим кофе, поэтому у него было лишь несколько секунд на то, чтобы решить — подойти к ней или нет. И столько же на то, чтобы привести себя в порядок.

Мужчина стряхнул дождевые капли с пиджака. Застегнул верхнюю пуговицу, затем расстегнул. Лучше, если он будет смотреться естественно. Оглядев грязные туфли, он щелкнул языком с досады: не то чтобы Озеров сильно переживал, что ни к чему не обязывающий секс сорвется из-за неряшливо перепачканной обуви, просто он привык выглядеть хорошо и чувствовать от этого уверенность.

Матвей сделал шаг, еще один. Вдохнул, выдохнул и вдруг понял, что отчего-то сильно нервничает. К чему ему эти приключения? Сидеть, разговаривать с незнакомым человеком, поддерживать беседу только ради того, чтобы заняться сексом? Не проще ли снять для таких целей профессионалку? И плевать, что он брезгует продажной любовью, зато никаких условностей — все четко и по делу.

Мужчина уже развернулся, передумав подходить к нужному столику, но внезапно услышал всхлип. И бежать бы ему, да подальше: ведь помимо работы в университете Озеров терпеть не мог женских слез, — но отчего-то именно в этот самый миг в груди у него все сжалось от щемящего предчувствия. Он просто не мог уйти, не узнав, нужна ли ей помощь.

— Простите, — сказал Матвей, приблизившись.

Она вздрогнула, резко подобралась и принялась тереть руками глаза. Прошла всего доля секунды, пока он делал один-единственный шаг, чтобы оказаться перед ней и взглянуть в лицо, но за это мгно-

- Очень плохой профессор -

вание его сердце успело рухнуть вниз и подскочить обратно.

— Ой, Матвей Палыч, это вы? — размазывая слезы по щекам, всхлипнула девушка.

— Алексеева? — опешил он.

-2-

Озерову стало ужасно неловко. И как он не признал в хрупкой незнакомке свою студентку? Ту самую Алексееву, что вечно записывала за ним буквально каждое слово на лекциях. Отличницу, скромницу, то бледнеющую, то краснеющую от каждого вопроса старосту группы, которая вечно носила длинные юбки и застегнутые наглухо кофточки с высоким воротом.

Мужчина частенько давал студентам самостоятельные задания и украдкой наблюдал за ней. Ему нравилось то, что он видел. И дело было не в привлекательности девушки и даже не в его мужском интересе. Нет. Дело было в асимметричных светлых пятнах на лице и шее Алексеевой — так называемом витилиго.

Глазеть открыто было не совсем приличным, да и девушка явно стеснялась своего изъяна. Озеров частенько замечал, как она прячет глаза или нервно теревит воротник, пытаясь прикрыть проявления болезни от посторонних взглядов.

И все же ему было интересно рассмотреть их поближе: ведь розоватые пятна не только не были разными, но и ничуть не портили внешность юной студентки.

— Простите, — привычно спрятала взгляд девушка. Протянула руку, схватила пару салфеток и прижа-

ла к воспаленным от слез векам. — Не хотела, чтобы кто-то видел меня в таком состоянии...

Случайно задетая ее рукой солонка покачнулась и упала на бок быстрее, чем мужчина успел на это среагировать.

— Ну вот, — всхлипнула Алексеева. — Я та-ка-а-ая неуклюжая!

Матвей поднял солонку, поставил ее на место и вдруг замер в нерешительности, разглядывая рассыпанные по поверхности стола крупинки. Наверное, незнакомка ушла, не дождавшись его? И вряд ли она уже вернется. Можно уходить. Но... как быть со студенткой? Бедная девушка, кажется, находится на грани истерики.

— Ничего страшного, — произнес он негромко. Обернулся, ловя на себе взгляды посетителей. Неловко кашлянул и положил мокрый журнал на стол. Потоптался, раздумывая, как лучше поступить, и все-таки опустился на стул напротив. — Что у вас случилось? — спросил Озеров, заглядывая в глаза девушки. — Расскажите.

Алексеева отчаянно замотала головой:

— Ой, ничего, простите, сейчас пройдет. — Она промокнула бегущие по щекам слезы и сипло проговорила: — Вы не обращайте внимания, Матвей Павлович. Вам, наверное, идти надо.

— Вам явно требуется помощь, — выпрямился Озеров. — Расскажите, что стряслось.

— Нет-нет, вас, наверное, ждут, а вы тут возиться со мной будете...

— Если я могу чем-то помочь, то почему бы и нет?

Девушка обессиленно уткнулась в несчастную салфетку и шмыгнула носом. «Ага. Истерика усиливает-

- Очень плохой профессор -

ся, — подумал мужчина, — этого мне только сейчас не хватало».

— Мне уже никто помочь не может. Все! — вдруг пискнула Алексеева.

«И даже в таком состоянии она выглядит очень милой», — отметил Озеров. Он жестом подозвал официанта и попросил принести кофе.

— И мне повторите, — жалобно мяукнула студентка, выныривая из спасительной салфетки, насквозь промокшей от слез. — Пожалуйста.

— Вот, возьмите, — мужчина достал из кармана носовой платок и протянул ей.

«Не хватало еще, чтобы присутствующие подумали, что я довел ее до слез», — подумал он. Ведь все, кто был в кафе, уже косо поглядывали на странную парочку.

— Спасибо... — Алексеева благодарно сморкнулась в платок и вновь от смущения опустила взгляд вниз.

— Вас кто-то обидел? — осторожно поинтересовался Озеров.

— Меня? — удивилась она, обратив на него взгляд больших карих глаз. — Нет... Вернее... — Девушка глубоко вдохнула и выдохнула. — Наверное, такое не говорят своему преподавателю...

— Ладно, чего уж тут...

Алексеева втянула голову в плечи.

— Я договаривалась о встрече с одним человеком, но он не пришел, — тихо призналась студентка. А потом вдруг решила выпалить все сразу: — Но я не удивлена! Вот ни капельки! Такое со мной было... уже дважды! Они боятся меня! Того, как я выгляжу. *Вы понимаете, о чем я говорю?* Понимаете. Все из-за этого... — Она взмахнула руками, указывая на пигментацию на своей коже. — Я постоянно убеждаю себя, что это не урод-

ство, но мужчины так не думают! Они... они... вот вы сейчас так же на меня смотрите! С жалостью!

Озеров едва не поперхнулся.

Ни о какой жалости не было и речи. Разве могло какое-то несчастное пятнышко испортить внешность молодой, стройной и красивой женщины? Бред полнейший. Допустим, не одно пятнышко. А два – неровное, крупное – на подбородке возле рта, немного заходящее на щеку, и второе, поменьше, возле виска. Если присмотреться, они даже украшали ее. И третье – на шее, оно тоже ничуть ее не портило.

Возможно, такие пятна имелись и еще кое-где на ее теле...

От мысли об этом жар неминуемо прилил к лицу профессора, а затем распространился по всему телу. С ума сойти! Да он покраснел, как смущенный школьник, едва подумав об округлостях своей подопечной! А еще практически возбуждился. Вот идиот...

– И он тоже! – всхлипнула Алексеева, махнув платком. – Он тоже... увидел меня, наверное, в окне и ушел! Надо было встретиться с ним в клубе, в темноте, как сначала и задумывала. Черт дернул позвать его в эту дыру!

– Успокойтесь, Алексеева, – предчувствуя новый поток женских слез, поднял руки Озеров. – Успокойтесь, пожалуйста.

В этот момент подошел официант и поставил перед ними чашки с кофе.

– Можно еще водички для девушки? – тихо спросил Матвей. – Она слишком... расчувствовалась.

– Нет! – замахала руками студентка. – Не надо, спасибо. – Она наклонилась над столом и прошеп-

- Очень плохой профессор -

тала: — Он уже плеснул по моей просьбе коньяку в кофе.

— Вот как... — кашлянул Озеров.

— Иначе стала бы я перед вами исповедоваться? На трезвую-то голову? — Девушка промокнула платком щеки. — Вы же... вы ведь мой... преподаватель. Вы — профессор! Мне еще зачет вам сдавать и экзамен, а я тут — про свои проблемы... — Ее губы задрожали. — Про уродство свое, из-за которого у меня ни с кем ничего не выходит! И про девственность эту чертову! Ка-а-ак же она меня достала! Мне уже девятнадцать. Девятнадцать, понимаете?! — Алексеева отхлебнула из своей чашки и поморщилась. — Я и так пыталась и сям! Каждый раз в последний момент все срывается. Заколдованная она, видимо!

— Кто? — опешил Озеров.

— Девственность, — пропищала девушка. — Будь она проклята! Из-за нее мой парень... мой бывший парень... — она вздохнула. — Нет, не хочу говорить о нем...

— Я не понял, в-вы... — мужчина даже начал заикаться от неловкости происходящего.

Алексеева приложила ладони к пылающим щекам и снова наклонилась над столом:

— Я ведь сегодня пошла на отчаянный шаг, Матвей Павлович. Решила, что если последняя попытка не сработает, то все — одна мне дорога. В монастырь! — она нервно хихикнула. — Шучу, конечно. Просто все дело только в ней — в девственности этой. Она во всех моих неудачах виновата. Если лишь ее, то дальше пойдет как по накатанной, увереннее в себе стану. Решила, что если уж сегодня

никак, то, видимо, не судьба. Мужчину нашла специально под это дело.

— Мужчину? — пробормотал он.

— Да. А что? Не умею я общаться, понимаете? Скромная я, забитая. Мне так проще. — Она отхлебнула кофе и поморщилась от коньячной горечи. — Нашла мужика в приложении для знакомств. Первого попавшегося, правда, но это ерунда. Он мне сразу приглянулся: видно, что начитанный, серьезный, много не болтает. Я и подумала, что мне с ним тоже много говорить не придется: сделает свое дело, снимет проклятие, и разбежимся.

— В приложении для знакомств, значит...

Озеров сглотнул. Картинка начинала вырисовываться.

— Только я про девственность умолчала. Зря, наверное? Может, его, наоборот, заинтересовал бы этот факт? Говорят, сейчас много торкнутых на этой теме... Глядишь, и не стал бы моей внешностью брезговать, а? — Губы Алексеевой снова задрожали, на глазах выступили слезы. — Вы простите меня, Матвей Палыч, несу всякую чушь, — она всхлипнула. — Это во мне коньяк говорит. Я бы сама ни за что. Никогда...

— Алексеева, все хорошо, успокойтесь, — хрипло сказал мужчина.

Студентка быстро смахнула слезинки и приложила к щеке платок:

— Ох и стыдно будет перед вами завтра...

— Ничего страшного, — Озеров прихватил руками горячую чашку. — Значит, говорите, он не пришел?

Угораздило же его так вляпаться!

Озеров обычно настолько сильно выматывался на работе, что возвращался домой еле живым. Сил хватало лишь на то, чтобы разогреть полуфабрикаты и выслушать дочь за ужином. Вера рассказывала ему, как прошли уроки, как она занималась в секции по плаванию, как дела в лицее, а он слушал и привычно кивал, редко комментируя или делая замечания, если вопрос касался учебы.

Профессор всегда мысленно ругал себя за то, что мало времени уделял воспитанию дочери. Он обещал себе исправиться, но другого выхода, как отчаянно пахать, пока не видел. С тех пор как обанкротилась его фирма, прошло четыре года. И если бы не предложение ректора вернуться в университет, то неизвестно, как бы они с Верой сейчас выживали.

Да, он часто брал лишние часы, чтобы заработать побольше, но зато они с дочкой ни в чем не нуждались. Наконец-то у Озерова хватало денег, чтобы оплачивать занятия Веры: плавание, английский и ее любимую математику.

А теперь он попал в переплет.

Так легкомысленно и глупо попал. Влез в виртуальное общение с незнакомкой, которая оказалась его собственной студенткой. И бежать бы сейчас, да подальше, пока не стало совсем поздно, но что-то его останавливало. Возможно, ее красота. Ее непосредственность, открытость, наивность. Сексуальность, которая сквозила во всем образе девушки — буквально в каждом ее движении. Даже в невин-

ном взмахе ресниц, когда она поднимала на него взгляд.

— Не пришел! — подтвердила Алексеева.

Взяла чашку с кофе, сделала большой глоток и, поморщившись, слизнула языком молочную пенку с верхней губы. Она не понимала, как порочно это выглядело, — просто была сама собой. И, кажется, была немного пьяна...

— Сколько вы уже выпили? — спросил мужчина, подтягивая к себе ее чашку.

Наклонился, втянул ноздрями аромат кофейной горечи и крепкого алкоголя. Брр! Похоже, концентрация что надо. Неудивительно, что студентка разоткровенничалась в его присутствии — да еще и выглядела такой раскрасневшейся и отчаянной.

— Что? — как-то странно прищурилась она.

— Сколько такого кофе вы уже выпили, Алексеева?

— С коньяком? — Девушка покосилась на официанта. — Две чашки.

— Хм.

— Просто я вообще не пью. Никогда.

— Тогда все ясно. — Озеров встал, достал из кармана несколько купюр, бросил на стол искомандовал: — Я отвезу вас домой. Идемте.

Студентка распахнула свои невозможно красивые глаза и уставилась на него:

— А если...

— Он не придет, — решительно мотнул головой Матвей. И тут же поправился: — В любом случае такие знакомства опасны. Особенно для хорошеньких молодых девушек.

- Очень плохой профессор -

Поняв, что только что он сам снова перешел черту, мужчина нахмурился. Обычно студенты университета старались не злить принципиального и неподкупного профессора, поэтому Алексеева тоже не стала спорить: быстро поднялась со стула, дрожащей рукой прихватила плащ и шмыгнула носом, ожидая дальнейших указаний.

— На улице дождь. Накиньте капюшон, — сухо сказал Озеров, когда девушка потянулась за сумочкой.

Капюшона на ее плаще не было, зонтика тоже не имелось, поэтому Алексеева просто накинула плащ на голову, прежде чем выйти наружу прямо под ливень. Озеров быстро переступал через лужи, продвигался все дальше и дальше по темной улице, а девушка неуклюже бежала за ним и старалась не отставать.

— Садитесь, — мужчина открыл ей пассажирскую дверцу машины.

— С-спасибо...

Она впорхнула в салон и смущенно поправила подол юбки, неожиданно обнаживший ее стройные ножки. «Только секс. Никаких обязательств», — пульсировало в висках Озерова. Все могло быть просто, если бы не тот факт, что девушка была его студенткой.

— Все нормально? — поинтересовался он, заводя мотор.

— Да.

— Пристегнитесь.

— Да, — Алексеева засуетилась, оттягивая на себя тугий ремень.

Салон наполнился ароматом ее духов — тонким и нежным. Сердце Матвея Павловича забилося быстрее. Девушка совсем не походила на ту, которая способна заняться сексом с первым встречным. Скромная, тихая, с неплохой фигурой, Алексеева была не-

вероятно хороша собой. Ну и как она сможет прийти в дешевую гостиницу, чтобы по-быстрому избавиться от девственности?

— А я вас не таким себе представляла, — раздалось в тишине, сопровождаемой лишь стуком капель дождя по крыше машины.

Автомобиль неспешно пробирался вперед по темному шоссе.

— Не понял, — отозвался Озеров.

— Я думала, вы черствый сухарь.

Похоже, это было комплиментом.

— Я такой и есть, — напряженно вцепившись в руль, хрипло ответил мужчина.

Алексеева застенчиво улыбнулась и стала смотреть в окно. Девушка заставляла Матвея чувствовать себя не в своей тарелке.

— Сухарь не стал бы меня жалеть, — тихо произнесла студентка.

Заметив, как ее пальцы нервно натянули ткань юбки на внезапно оголившуюся коленку, мужчина сглотнул. У него не получалось сосредоточиться на дороге. Приходилось постоянно отговаривать себя от того, чтобы поддаться соблазну и положить ладонь на ее бедро.

— Простите еще раз, Матвей Палыч, — взглянув на него из-под ресниц, сказала девушка, когда автомобиль притормозил возле подъезда многоэтажки. — У меня было... помутнение рассудка, вот.

— Ничего страшного, Алексеева, — прикусил язык Озеров. Он никак не мог понять, что же мешает ему отпустить сейчас эту девушку в ночь. Профессор наклонился, с недоверием всматриваясь в очертания подъезда. — Я вас провожу.

- Очень плохой профессор -

Он вышел из машины, открыл дверцу и протянул руку.

— Поздно уже, чтобы одной шататься, — мрачно сказал он, кивая в сторону компании молодых людей, рассеявшихся на скамейке с бутылками в руках.

— Все в порядке, — кокетливо улыбнулась Алексеева, вкладывая свою маленькую ладонь в его руку и выбираясь из машины. — Они местные.

— Все равно, — отчеканил Озеров. — В следующий раз не бродите одна. — Он подвел ее к подъезду и выпустил ее руку из своей. — И бросьте ваши глупости со знакомством в Сети. — Наткнувшись на ее пытливый взгляд, профессор прочистил горло и добавил: — Лучше уделите время учебе. Вам еще зачет сдавать на днях.

— Это я умею, — грустно сказала студентка.

Она открыла дверь, и свет из подъезда осветил их лица.

— Всего доброго, — хрипло сказал мужчина, разглядывая ее.

Кожа девушки была нежной и бархатной, на щеках играл легкий румянец. Мерцающий в темных волосах свет мягко струился по ее лицу и касался красивых припухших губ. Глаза девушки, смущенные и чуть насмешливые, вдруг обожгли его, и Озеров ощутил, как жар, распространившись по телу, прицельно ударил прямо в самый низ живота.

— И вам, — ответила она.

Вот тут выдержка и подвела строгого профессора. Он и не понял, как его руки оказались на теле молоденькой студентки, а губы жадно впились в ее приоткрытый рот.

Ольга за вечер перенервничала так, что хватило бы на десятерых. Сначала весь день готовилась к встрече: принимала душ, делала депиляцию, выбирала наряд, укладывала волосы. Потом несколько раз порывалась уйти из кафе, опасаясь, что нарвется на маньяка, а в итоге, поняв, что никто не придет, в отчаянии махнула коньяку.

Это и стало ее фатальной ошибкой. Для совершенно не пьющего человека даже небольшая доза, принятая на голодный желудок, оказалась весьма существенной. В тот момент, когда профессор Озеров подошел к ней в кафе, девушка была крайне разгорячена и эмоциональна. Потому и болтала как заведенная о том, о чем следовало бы помалкивать перед грозным преподавателем. А теперь, когда немного проветрилась по дороге домой, Алексеева вдруг осознала, что вела себя неподобающе, и ей стало ужасно стыдно.

— Всего доброго, — прохрипел он.

Глядя на Озерова, Ольга впервые призналась себе, что вечно хмурый, суровый профессор отчаянно, почти до дрожи в коленках ей нравился. И теперь, когда они стояли наедине в полутьме, укрытые лишь козырьком подъезда от бушующей стихии, она больше не думала о том, что ее свидание с незнакомцем не состоялось. Ведь произошло что-то совершенно иное: Алексеева вдруг впервые отважилась и подняла на него взгляд.

Сделала то, чего не позволяла себе в университете. Посмотрела ему в глаза. Да, ей было стыдно, но еще больше — интересно. Ведь девушка впервые ви-

- Очень плохой профессор -

дела его не Железным Дровосеком или Роботом, как его тайне величали ее сокурсницы за непробиваемость и беспощадный нрав. Она увидела в нем Мужчину. Живого, сильного, излучающего магнетизм. Притягательного, уверенного в себе и порочного. Один взгляд его зеленых глаз заставлял ее дрожать от страха и желания.

— И вам, — тихо обронила она, потупив взор.

И только собралась позорно сбежать от того, что натворила, как Озеров шагнул к ней, стиснул в объятиях и жадно поцеловал.

Боже, он действительно целовал ее... Властно, настойчиво, жадно. Вжимал в холодную кирпичную стену, льнул своим горячим телом к ее телу, терзал руками ее лицо, шею, спускался ниже — к талии, а затем и к бедрам. Ольга задыхалась, отдаваясь внезапно нахлынувшей страсти, и отвечала ему с горячностью прожженной распутницы. Девушка сама себя не узнавала.

Ей казалось, что там, где пальцы профессора касались ее кожи, оставались следы от ожогов. А когда руки мужчины нетерпеливо переместились к ее ягодицам и крепко сжали их, с губ девушки сорвался хриплый стон. Это было так восхитительно, что она больше не могла сдерживаться.

В эту секунду Оля даже не думала о том, что это ее преподаватель. О том, что их, возможно, могут видеть соседи или парнишки, сидящие на лавке. Девушка просто нырнула с головой в раскаленную, как магма, пылающую страсть. Она буквально растворилась в его запахе, в этих сильных мужских руках и больше не чувствовала грешной земли под ногами.

Горячий язык Озерова то мягко скользил у нее между губ, то снова требовательно врывается внутрь и проникал глубже. Ольга не могла знать наверняка, что именно чувствует женщина, занимаясь сексом с мужчиной, но в это мгновение она поняла, что хотела бы, чтобы все происходило так, как сейчас, во время этого поцелуя — так дерзко и сладко, что почти больно.

До дрожи, до прикушенных губ и лихорадочных неловких ударов зубами друг о друга. Так, чтобы отчаянно бьющееся сердце трепетало в ее груди и заглушало своим стуком любые другие звуки, и чтобы все тело сводило от нестерпимого, неконтролируемого желания.

Никто никогда не целовал ее так, как Озеров. Неистово, поспешно, почти неряшливо. Словно он был безумно голоден и почти не соображал, что делает. Девушка буквально плавилась в руках мужчины. С безумной силой припадала к губам профессора, впивалась руками в его промокшую от дождя одежду и скользила подушечками пальцев по коротким влажным волосам. Ей не хватало воздуха, но она хотела быть еще ближе — хотела, чтобы он оказался в ней немедленно, и это безумное желание ослепляло ее разум.

Но ровно до того момента, как рука Матвея Павловича вдруг торопливо скомкала край ее юбки, потянула подол вверх, а затем ловко скользнула к трусикам и отодвинула их край. Когда его пальцы настойчиво и даже грубо вторглись в ее горячую влагу, девушка от неожиданности вскрикнула и испуганно свела бедра. Неуклюже отстранившись, она судорожно глотнула ртом воздух и прошептала:

— Простите...

- Очень плохой профессор -

— Твою мать, — прорычал Озеров, поднимая руки и хватаясь за голову.

— Простите... — зачем-то повторила девушка и пулей рванула в подъезд.

-5-

Ольга бежала по ступеням, не оглядываясь. Сердце гулко стучало где-то в висках, губы пылали от неистовых поцелуев. Ей не терпелось оказаться в своей одинокой квартире и упасть лицом в подушку. И отчаянно разрыдаться. А еще лучше смыть с себя поскорее этот терпкий, пряный аромат мужчины, которым, кажется, насквозь пропитались ее кожа и волосы.

Какой ужасный вечер! Какой *захватывающий*...

Невероятно. С ума сойти! Только сейчас, громко стуча каблучками в тишине подъезда, девушка вдруг осознала, *что* произошло. Ее профессор. Строгий, неумолимый. Тот, кого все считали бездушным айсбергом, он целовал ее в темноте под козырьком подъезда. Делал это пылко и страстно, как юный мальчишка. Нет — как дикий голодный зверь.

И если бы не ее горящие огнем губы и не жар во всем теле, она бы точно не поверила в то, что ей это не приснилось.

— Явилась! — раздался ехидный голосок, едва Алексеева ступила на площадку.

Из соседней двери показалась кудрявая шевелюра соседки Лильки. Две недели назад, когда Оля была в совершенном раздрае, Лилька протянула ей руку

помощи и нашла это жилье. Теперь пробежать мимо нее, сделав вид, что не заметила, Алексеева не могла.

— Привет, — хрипло ответила Ольга, пряча взгляд.

Соседка вышла на лестничную клетку и оглядела ее с ног до головы:

— Вижу, все получилось. Да?

— Нет! — выдохнула Алексеева, выуживая из сумочки дрожащими пальцами ключи.

Зря она накануне рассказала ей о предстоящей встрече. Теперь не избежать допроса с пристрастием.

— Жаль, — хмыкнула девчонка. — Вот я и гляжу, ты какая-то нервная вернулась. Случилось чего? — Она потрясла кудрявой головой. — Или, может, он того... маньяком оказался?

— Лиля! — взмолилась Алексеева, оглядываясь на соседку. — Ничего не вышло, потому что... он не пришел!

— Во как... — Лилька почесала затылок.

Оля с трудом вставила ключ в замочную скважину, провернула, навалилась на дверь и тихо сказала:

— А... может, пришел, увидел меня и ушел. Поэтому я и напилась. И натворила глупостей.

— Так ты все-таки избавилась от девственности? — радостно присвистнула девчонка.

— Если бы. — Алексеева открыла дверь и повернулась к Лильке. Горько вздохнув, она жалобно пропищала: — Я встретила в кафе нашего преподавателя и выложила ему все! Рассказала о своих проблемах! Даже о том, что собралась переспать с незнакомцем!

— Блин... — прикусила губу ее новая подруга.

— Именно! Не коньяк, а сыворотка правды какая-то...

- Очень плохой профессор -

— Так ты же вроде не пьешь? — нахмурилась Лилька, упирая руки в бока. В плюшевых тапочках, коротком топе и старых, потертых джинсовых шортах она выглядела совсем ребенком.

— В том-то и дело, что не пью! — Алексеева покачала головой. — Иначе бы не опозорилась. И не стала бы вешаться ему на шею...

— Кому? — Глаза Лильки округлились.

— Кому-кому. Профессору! Он по доброте душевной подвез меня до дома и проводил до подъезда, а потом... потом... не знаю, как вышло... в общем, присосалась я к нему, как пиявка! Ну и позорище...

— Ты его поцеловала?

Ольга беспомощно опустила плечи:

— Да. Кажется. Или он меня. Сама не поняла, как это вышло. — Она нарисовала в воздухе шапку ядерного взрыва. — Пшш! И все — мы пытаемся сожрать друг друга возле подъезда.

Лилька принялась обмахиваться руками:

— Потрясающе!

— Что здесь потрясающего? Мне та-а-ак стыдно!

— А кто он? Он хоть симпатичный? Профессор твой. — Соседка прищурилась. — Или того. Как все профессора: старый, лысеющий, с огромным пузом. Если это кто-то из наших, дай угадаю... — Она округлила глаза. — Только не говори, что Князев!

— Фу... — Алексеева наморщила нос. — Конечно нет. Он... красивый. Наверное.

— О мой бог! — Лилька схватилась за сердце и пошатнулась. — Я боюсь это произнести... Неужели...

— Озеров, — выпалила Оля и зажмурилась.

- Лена Сокол -

— Вау, Олька, какая ты счастливая! — с придыханием сказала соседка. — Он же ходячий секс!

Алексеева не разделяла ее восторгов.

— Все, мне конец, — прошептала она, глядя на то, как Лилька заламывает руки. — Не представляю, как завтра явлюсь в университет и буду смотреть ему в глаза.

— Как? С вызовом! — Девчонка потеряла ладони друг о друга. — Зачем тебе какой-то задрот из приложения для знакомств, если можно совратить нашего неприступного профессора? Ты знаешь, сколько девчонок с нашего потока перед ним хвостами вертели? Да все! А он того — кремь! Даже глазом не моргнул ни разу!

— Лиля! — взмолилась Оля.

— Идем. — Соседка ломанулась в приоткрытую дверь. — Расскажешь мне все в деталях!

— Извини, — покачала головой Алексеева. — Лиль, давай не сейчас? Ладно? Мне... мне нужно побыть одной. Завтра все обсудим, хорошо?

— Хорошо, — неохотно согласилась обладательница озорных кудряшек. С обиженным видом и наигранно шаркая тапками по полу, она направилась к двери своей квартиры. — Но ты мне все расскажешь! Я от тебя не отстану!

— Даже не сомневаюсь, — устало проговорила Оля.

Вошла в квартиру, включила свет, закрыла дверь и прислонилась спиной к стене. Мысли снова вернулись к страстным объятиям с профессором. Интересно, есть ли у него подружка?

А совет соседки и не казался теперь бессмысленным. Этот мужчина определенно нравился Ольге.

- Очень плохой профессор -

И раз он целовал ее, значит, не так уж ему были неприятны дефекты ее внешности. Может, не стоило его отталкивать?

Боже! Это твой преподаватель, Оля! О чем ты думаешь?

Внизу живота опять сладко заныло. От воспоминаний о том, как он сжимал ее тело в темноте, закружилась голова. Девушка снова будто ощутила на себе тяжесть его сильных рук и направленный на нее обжигающий взгляд. Снова почувствовала, как его напряженный твердый член упирается ей в бедро.

Господи, да что со мной такое?

Алексеева скинула туфельки и метнулась в ванную. Включила воду и начала торопливо скидывать одежду. В этот момент ее ждало новое, удивительное открытие: ее белье было мокрым насквозь от желания. Такое со студенткой-отличницей приключилось впервые. Даже когда ее бывший парень Артур пытался ласкать ее пальцами через одежду, с ней ничего подобного не происходило.

-6-

А у них с Артуром были довольно странные отношения.

Когда Оля по наставлению строгой матери поступила на первый курс финансового факультета, она чувствовала себя неудобно. Здесь, в отличие от частной школы, где ей довелось учиться в старших классах, девушку не обзывали Кляксой или Уродинной. Студенты вообще мало обращали внимания друг на друга.

Позже, когда все немного попривыкли и пообтесались, стали образовываться компании и группы. Тогда Алексеева и вызвалась быть старостой. Ей нравилось выполнять общественно полезные поручения и ответственные задания. Иногда их было так много, что она могла до самого вечера не возвращаться в огромный унылый особняк под надзор авторитарной матушки.

Единственной, с кем более-менее сблизилась Оля ко второму году учебы, стала Мануш. Темноглазая, грудастая, с красивыми пухлыми губами и копной блестящих черных волос. Приезжая. Девушка была растеряна и пыталась всеми способами освоиться на новом месте. Отчаянно старалась успевать в учебе, чтобы не вылететь из универа и не вернуться раньше времени на родину, где Мануш ждал жених, которому ее насильно сосватали ее же заботливые родственники.

— Мне нужно учиться хорошо! — говорила Мануш, всякий раз спрашивая совета у Оли по той или иной теме. — Если меня отчислят, то за мной приедут три моих брата. Они увезут меня на родину и сразу отдадут под венец!

Алексеева жалела подругу, которой была уготована такая нелегкая судьба, поэтому помогала ей, как могла. Мысленно она проводила параллели с собой, ведь ей точно так же с малых лет приходилось жить по указке матери: никаких собственных желаний, делай, как скажут, и не вздумай жаловаться.

Ольга радовалась тому, что нашла подругу, с которой можно говорить обо всем на свете. И даже то, что легкомысленная Мануш начала со временем садиться ей на шею, ее не особо расстраивало.

- Очень плохой профессор -

— Я все понимаю, да. У тебя впереди только три года свободной жизни, а потом ты станешь женой. Хозяйство, дети, огромная семья. Конечно, сходи в клуб, я тебя прикрою.

Алексеева все чаще стала замечать подругу в компании разных парней. Один провожает ее утром в университет, другой встречает у общежития для иностранных студентов, с третьим она идет на танцы.

— Мне нужно отрываться по полной, — объясняла Мануш. — Время идет, а воспоминания — это единственное, что останется у меня, когда я стану чьей-то скучной толстой женой у себя на родине.

— Но ведь ты говорила, что должна выйти замуж «девочкой»? — краснела, задавая неудобный вопрос, Оля.

Подруга тогда лишь отмахнулась:

— Перед отъездом домой зашьюсь. Сделаю операцию. Это сейчас проще простого — наши все так делают. Половина общаги спит с мужиками. Девки — как ненасытные кошки, а потом делают гименопластику перед отъездом домой. Слышала о таком?

И в чем-то Оля даже понимала Мануш. Трудно, когда не имеешь возможности поступать по-своему и вынуждена постоянно и во всем слушать старших. Поэтому она никогда не осуждала ее.

А затем появился Артур.

Не в смысле появился, он был в их группе с первого дня. Популярный парень, спортсмен, симпатичный, широкоплечий. Девчонки на него вешались пачками, а он почему-то обратил внимание на нее — на Олю. Не яркую, не особо красивую, с этими странными пятнами и растерянным взглядом.

Артур просто подошел и заговорил с ней однажды на перемене. Стал провожать после занятий, подвозил домой, приглашал погулять в парке. Оказалось, что у молодых людей много общего: любовь к старым фильмам, классической литературе и долгим прогулкам в сумерках. Парень был из простой, небогатой семьи, к тому же дела с учебой у него шли неважно, поэтому мать Ольги, едва прознав о зарождающихся отношениях, яростно взбунтовалась.

В общем, ребятам пришлось прятаться от нее и по мере возможности скрывать роман. Хотя какой там роман — все было целомудренно, невинно и довольно неспешно. Иногда они ходили вместе в кино, иногда держались за руки и целовались в парке на лавочке. Иногда Оля болела за Артура на соревнованиях по плаванию и допоздна писала за него курсовые — ему же некогда, да и устал он, наверное.

Не то чтобы Оля его безумно любила. Но Артур ей нравился. И даже очень. Но больше всего в этом парне Алексеева ценила тот факт, что он был первым, кто заинтересовался ею как женщиной. И дело вовсе не в том, что он не замечал ее внешних изъянов, нет — иногда он подолгу рассматривал пятна на ее лице и задумчиво хмурил брови. Просто Артур реально ее хотел, даже несмотря на косметические дефекты.

Сначала он постоянно инициировал попытки уединиться где-нибудь в квартире у его друзей или приглашал Алексееву к себе домой. Он нежно целовал ее, гладил, пару раз даже пытался раздеть, но Оля не хотела торопиться. Пусть все развивается постепенно. Пусть предчувствие того, что наступил подходящий момент, накроет ее с головой. И Артур

- Очень плохой профессор -

понимающе кивал и соглашался ждать, когда девушка захочет близости сама.

И это его понимание Ольга ценила еще больше.

Вот они — настоящие отношения и высокие чувства. И пусть никто в их группе, кроме Мануш, не верил в то, что спортсмен искренне любит серую мышь Алексееву, Оля твердо знала — он истинный рыцарь ее сердца. Верный и готовый ждать столько, сколько потребуется.

Как выяснилось позже, ждать Артурчик мог вечно, потому что сладострастная Мануш с лихвой удовлетворяла любые его прихоти. И если бы Оля однажды не забыла учебник в комнате подруги и не вернулась за ним, то, наверное, никогда бы не узнала о том, как оба близких человека старательно заботились о ее душевном покое.

Дорогая подруга делала все, чтобы парень Алексеевой не приставал к своей девушке с просьбой о близости — Мануш выполняла план чуть ли не за троих. А Артурчик пахал на ней так, чтобы сил не оставалось ни на что, кроме долбаного бассейна.

Заслышав сдавленные стоны за дверью, Оля улыбнулась и хотела уйти, чтобы не мешать любовным утехам подруги. Но вдруг услышала знакомый голос. Голос того, кто должен был находиться сейчас в спортивном комплексе при университете и тренировать совсем другие мышцы. Голос того, кого она целовала, кому верила и кому совсем скоро планировала подарить всю себя. Голос ее Артура.

Рука сжала дверную ручку и толкнула дверь. Та отворилась со скрипом. С противным скрипом, с которым разбивается сердце и ломается вдребезги душа. Они сношались как кролики: противные, торо-

пливые и неприлично потные. Мерзко ерзающие и переплетающиеся друг с другом на узкой койке предатели. Лучшая подруга и любимый человек.

Наконец они ее заметили. Мануш низко охнула, отстраняясь от парня и прикрывая пышные груди. Артур побледнел и вытаращил на Олю глаза. На негнущихся ногах Алексеева попятилась к двери. Дальше она мало что помнила: разве что лихорадочно натягивающего трусы на еще стоящий член Артура и размахивающую руками и пытающуюся прикрыть наготу Мануш, зачем-то кричащую ей вдогонку:

— Это все ради тебя! Ты потом поймешь!

Оля не хотела понимать. Она хотела умереть.

Забудь все. Уснуть, проснуться и понять, что это было лишь дурным сном. Она не знала, как ей поступить. Отомстить или простить? Сделать вид, что они умерли для нее, — или продолжать общаться как ни в чем не бывало и пожелать им счастья? А еще она не знала, кто во всем виноват. Может, она? Или ее чертова девственность, с которой она зачем-то носилась как с писаной торбой?

Ведь если бы она допустила Артура к своему телу, то ему незачем было бы ходить к Мануш, чтобы удовлетворить похоть. Ведь так? К сожалению, она в этом до конца не была уверена. Но идея избавиться от маленького недостатка, чтобы почувствовать облегчение, засела тогда противной занозой в мозгу.

Первым делом, вернувшись домой, Ольга собрала вещи и ушла из дома. В никуда. В буквальном смысле. И если бы не троечница Лилька Зуфарова, которая застала ее рыдающей в углу университетской библиотеки, приспособленном старшекурсниками

- Очень плохой профессор -

для обжиманий, то неизвестно, куда бы Алексеева пошла на ночь глядя.

Лиля привела ее в квартирку, которую сдавала бабушка-соседка, любившая проводить круглый год на своей даче. Она помогла Оле прибраться, разложить вещи, выслушала ее под рюмку горькой настойки и с удивлением обнаружила, что зареванная отличница после пары глотков стала невероятно разговорчивой, а затем вдруг... отрубилась, упав лицом на стол.

Да, в первые дни отчаявшейся Алексеевой пришлось нелегко. Мило воркующие на последнем ряду бывший парень и уже не самая лучшая подруга делали каждый ее день в университете невыносимым. А после занятий она возвращалась в пустую квартиру, выла белугой и долго пыталась уснуть. Одиночество превращало ее ночи в бесконечность.

Но она решила стать сильнее и все изменить. Подошла к одному из одноклассников-ботаников с волевым предложением заняться с ней сексом. Тот испугался и... убежал. Потом был симпатичный приятель Лильки, который отважно согласился ее дефлорировать, но напился и уснул. Апогеем борьбы с девственностью стал блондин из клуба, который, пытаясь надеть презерватив в узкой кабинке туалета, вдруг закричал, что уронил в унитаз обручальное кольцо.

Тогда-то девушка и решила завести аккаунт в приложении для знакомств. Да, глупо и опасно. Но это было именно то, чего она сейчас так жаждала — стать безрассудной и побыстрее избавиться от того, что ей напоминало об отношениях с предателем Артуром. От треклятой девственности.

И теперь Оля стояла под холодными струями в ванной комнате, дрожала и не понимала, как вооб-

ще можно решиться на подобное. О чем она только думала? В кого превратилась?

Девушка сделала напор еще сильнее. Вода стала почти ледяной. То, что нужно, чтобы прийти в себя и отрезвиться. Только холодная вода, никакой горячей. Потому что Ольга еле сдерживалась, чтобы не начать ласкать себя, думая о властных губах и сильных руках профессора. Определенно, холод был единственным избавлением от напряжения.

Стуча зубами, она вышла из душа и закуталась в полотенце. Потасила в гостиную, села на диван и закрыла глаза. Вдруг что-то пикинуло. Телефон. Она неохотно потянулась к сумочке и достала его. Куча сообщений от Лильки. Точно не меньше полусотни. Вот сумасшедшая. Соседка срочно требовала поделиться с ней горячими подробностями.

Улыбаясь, Оля пролистывала ленту. И вдруг замерла. Уведомление из приложения. Наверное, опять короткие, бесполезные сообщения от десятков откликнувшихся на ее объявление. Но сердце жгло неясным предчувствием. Девушка нажала на нужный значок, и у нее перехватило дыхание.

YourBest: Не смог прийти, аврал на работе. Прости, что причинил тебе неудобства и заставил ждать. Готов загладить вину любым способом.

-7-

Что ты, на хрен, такое делаешь?!

Озеров сидел в машине возле своего дома и никак не мог прийти в себя. Он устало провел ладоня-

- Очень плохой профессор -

ми по лицу, и несколько дождевых капель с мокрых волос упали ему на нос.

Профессору было жаль эту девушку. Он не хотел, чтобы она расстраивалась. Мысль о том, что Алексеева считает себя отвергнутой, была ему невыносима, поэтому он решил, что напишет в последний раз ей в приложении. Черкнет пару предложений, в которых объяснит, почему не явился, извинится перед ней, а затем закончит переписку на вежливой ноте и больше там не появится.

«Всего лишь успокою ее». Непозволительно, чтобы молодая, привлекательная особа думала, что она уродлива.

«Не смог прийти, аврал на работе. Прости, что причинил тебе неудобства и заставил ждать», — набрал он сообщение и задумался.

Ему хотелось пообщаться с ней еще. И вот это уже было откровенной глупостью и риском. Из-за интрижки со студенткой Озеров мог лишиться работы.

Он отложил телефон и помассировал пальцами виски. Профессор прекрасно понимал, что если Алексеева не сделает то, что задумала, с ним, то попытается сделать это с кем-то другим и непременно влипнет в неприятности.

«Готов загладить вину любым способом», — быстро набрал он и, не давая себе времени для размышлений, отправил.

Придурок. Что ты делаешь, а?

Ведь взрослый мужчина. Отец. Уважаемый преподаватель. А башню снесло, как сопливому старшекласснику!

Матвей отложил телефон, тяжело выдохнул и закрыл лицо руками.

Плохо. Это очень плохо. Неправильно. Ужасно...

Мужчина не понимал, что такое он творит, а главное — зачем. И почему не смог удержаться и набросился на девчонку там, у подъезда? У него слишком долго не было секса, но это не повод заводить интрижку с юной студенткой. Это шло против всех правил.

А дело было в том, что Ольга не походила ни на одну из женщин, с которыми он прежде имел дело. Невинная, нежная, трогательная и ранимая. Первое впечатление могло оказаться обманчивым, ведь стоило вспомнить хотя бы то, ради чего она согласилась на свидание с ним — ради случайного секса! Но Алексеева не была раскованной.

Более того, он вряд ли мог представить ее голой, в непристойной позе на выцветших простынях в какой-нибудь дешевой гостинице. Таких девушек не трахают без обязательств, о них заботятся, водят в рестораны и знакомят с родителями. Озеров просто хотел переспать, не спрашивая незнакомку о погоде, музыке и прочих глупостях. Переспать и забыть.

А теперь он влип. И, похоже, полностью.

Ему было незачем проявлять интерес к этой девушке, но Матвей никак не мог перестать думать о ней. Он сорвался, не выдержал. Он брал ее и целовал. И, возможно, сильно обидел.

Мужчина вспомнил ее краснеющие щеки и смущенный взгляд. Девушка вела себя открыто и наивно. Вспомнил, как тонкие, длинные пальцы нервно тербли салфетку. Воображение тут же нарисовало картинку, в которой эти пальчики робко касались его тела.

А как она хрипло простонала, когда он сжал ее ягодицы... Вспомнив короткий сдавленный выдох, профессор не мог больше не думать о том, громко ли

- Очень плохой профессор -

кончает его студентка, лаская себя в тишине пустой квартиры. И в его брюках снова чуть не задымилось.

В этот момент дисплей смартфона вспыхнул ярким светом.

OlyaBadGirl: Понятно, почему тебе нужен секс без обязательств.

Матвей Павлович закусил губу.

Ему не стоило отвечать ей. Правильнее было бы попросить прощения и прервать переписку под благовидным предлогом. Или выйти из приложения и потеряться навсегда. Но тут он вспомнил исходивший от нее запах сладостей. Девушка пахла карамельками и воздушным зефиром. И на вкус была такой же — сладкой.

YourBest: Да, работа отнимает все время.

У Озерова действительно не было времени. Мысль о постоянных отношениях приводила его в неистовый ужас. Это ведь не просто встречи ради удовольствия, а проблемы, ответственность и прочие ненужные заморочки. А еще у него была маленькая дочь, и мужчина не собирался приводить в ее жизнь чужую тетю и тем самым еще сильнее травмировать психику ребенка.

OlyaBadGirl: Ты не говорил мне, где работаешь.

Озеров выругался. А вот и проблемы.

Он крепко сжал зубы и зажмурился. Не нужно было отвечать ей, теперь все запутается еще сильнее. Как потом выкручиваться? Нужно просто извиниться и выйти из чата. Но... Мужчина занес палец над нужным значком и замер.

Перед глазами всплыли воспоминания о том, как он коснулся тела девушки между ее ног. Она была возбужденной, влажной и безумно горячеей. Но, несмотря на это, перепугалась чуть ли не до смерти. Разве можно оставить ее в такой опасности? Вдруг завтра глупышка свяжется с каким-нибудь извращенцем? Нужно убедиться, что Алексеева не наделает глупостей. Только и всего.

YourBest: У меня небольшой бизнес.

Он почти не врал. Совсем недавно это было правдой, и Матвей надеялся, что вскоре сможет начать новое дело с нуля.

YourBest: А ты не говорила, зачем тебе все это нужно.

Пока она печатала, профессор вышел из машины, щелкнул «сигналкой» и направился к подъезду.

OlyaBadGirl: Потому что мне не нужны отношения.

Мужчина прочитал, спрятал телефон в карман и вошел в лифт. Пока кабина поднималась, Озеров почти не дышал. У него ком в горле стоял от растерянности. Впервые с ним происходило нечто такое, чего он не в силах был контролировать.

— Папа! — Вера бросилась ему на шею, едва он переступил порог.

Прижав дочку к груди, Матвей испугался: вдруг она услышит, как сильно бьется его сердце, и что-то заподозрит? Но Верочка ловко спрыгнула на пол и метнулась в кухню:

— Идем скорее! Я приготовила тебе ужин!

- Очень плохой профессор -

Мужчина расплылся в улыбке. Пусть дочкины кулинарные эксперименты были довольно скромными и не всегда удавались, но ничего лучшего, чем ужин в ее компании, в его жизни пока не существовало.

— Спасибо, Марина Валерьевна, — сказал он появившейся в прихожей пожилой женщине.

— За что, сынок? — улыбнулась та, надевая плащ.

— За то, что посидели с Верой, — снимая обувь, ответил Озеров.

Женщина печально вздохнула и похлопала его по плечу.

— Мне совсем не трудно.

— Да, — кивнул мужчина. — Спасибо.

Он снял мокрую куртку и повесил на плечики.

— Я уже говорила... — Женщина покосилась на кухню и понизила голос. — Но скажу еще раз. Тебе нельзя быть все время одному, Матвей. Ты молодой и...

— Марина Валерьевна, — Озеров бросил взгляд в сторону кухни и перешел на шепот, — мы это с вами уже обсудили. Вере не нужна новая мать, у нее есть вы. Этого вполне достаточно.

— Я говорю о тебе, Матвей. — Женщина взяла его за локоть. — Мне больно видеть твой безжизненный взгляд, понимаешь? Так нельзя. Нужно жить дальше.

— У меня все хорошо, — сухо выдавил мужчина. — Прошу вас, не переживайте. Все нормально. Честно.

— Пока, бабуля! — Девочка выпорхнула из кухни и поцеловала Марину Валерьевну в щеку.

— Пока, моя девочка. До завтра. — Она погладила ее по голове, взяла с крючка зонт и вышла на лестничную клетку.

— Всего доброго, — попрощался Озеров и закрыл за ней дверь.

- Лена Сокол -

— Скорее! — Дочка потянула его на кухню.

Профессор проследовал за ней, вымыл руки и сел за стол.

— Что у нас сегодня? — Он закатал рукава рубашки.

При виде довольно улыбающейся дочери у него защемило сердце.

— Зеленая фасоль на пару!

— Ты же ее не любишь?

Дочка неуклюже вывалила на тарелку фасоль:

— Да, поэтому ее ешь ты, папочка.

— Логично.

— А еще котлетки! — радостно сообщила Вера, накладывая каждому по две штуки со сковородки.

— Сама приготовила? — Брови Озерова взметнулись вверх.

— Ба помогала.

— Вы с ней молодцы. — Он подвинул к себе тарелку и поднял взгляд на дочку. — Спасибо, котенок.

-8-

Впервые за последние годы Озеров чуть не проспал. Из-за этого ему пришлось отказаться от утренней пробежки. Привыкшие к нагрузке мышцы протестующе заныли, но деваться было некуда: ему бы в университет на пары успеть, тут не до спорта.

Мечтая о пробуждающей кружке кофе, Матвей принял душ и быстро оделся. Будить дочку не пришлось: та уже встала, собрала рюкзак, надела форму и колготки и возилась с тонким плащиком в коридоре.

— Тебе помочь? — Профессор присел возле нее на корточки.

- Очень плохой профессор -

— Лучше я тебе. — Верочка потянулась и пригладила маленькой ладошкой его еще влажные после душа волосы. Оглядела его мудрым взглядом маленькой женщины и кивнула: — Теперь лучше. Ты сегодня какой-то странный, папа.

Еще бы. Мужчина до трех ночи ворочался в постели, обдумывая произошедшее. Ненавидел себя, ругал, затем снова вспоминал Алексееву, возбуждался и ненавидел себя еще больше.

— Не выспался, — пояснил Матвей Павлович.

Утром ситуация показалась ему совсем не такой, какой виделась накануне. Нужно объясниться со студенткой и замять маленькое происшествие, пока все не разрослось в грандиозный скандал.

Он высадил дочку возле лицея и долго наблюдал, как она идет к крыльцу учебного заведения со своим огромным розовым рюкзаком. Девочка то и дело оглядывалась, чтобы помахать ему, и Озеров послушно вскидывал руку, отвечая ей. Он все больше и больше склонялся к мысли, что эти приключения со свиданиями были ему ни к чему.

В университет Озеров прибыл за десять минут до начала лекции. Привычно забежал в деканат, чтобы поприветствовать коллег и взять кое-какие бумаги. Секретарша Людочка встретила его широкой улыбкой, профессор ответил ей лишь сдержанным кивком. Он прекрасно понимал, что стоит только дать шанс, и девица быстро сядет ему на шею.

— Доброе утро! — раздался визгливый голосок от двери.

Это была Татьяна Михайловна, а с ней все обстояло гораздо сложнее. Как бы ни хотелось мужчине не сталкиваться с разбитной разведенкой в сетчатых

чулках, это всякий раз оказывалось практически невозможным. Вот и сейчас она завалилась в деканат со своим барахлом, точно в школьную учительскую. И даже презрительное фырканье Людочки никак не подействовало.

— Доброе утро, Татьяна Михайловна, — не оборачиваясь, поприветствовал коллегу Матвей Павлович. — Людмила, мне еще бланк ведомости, пожалуйста.

— Конечно, — сжав зубы, покосилась на вошедшую Людочка.

— Ну и ливень вчера был! — щебетала, разбрасывая по кабинету свои вещи, Татьяна Михайловна. — Как назло, задержалась на кафедре, а все уже уехали. Даже попросить, чтобы меня подвезли до дома, было некого.

Людочка молчала, поэтому Озеров тихо протянул:

— Я тоже попал под ливень и промок.

Пожалуй, этого должно быть достаточно для поддержания светской беседы.

— Матвей, ты будешь кофе? — Теперь коллега стояла совсем рядом, и ему пришлось повернуться.

Татьяна Михайловна была стройной брюнеткой с помятым лицом. Вероятно, она и Озеров были ровесниками. Но женщина выглядела старше своих лет. Жизнь оставила отпечаток на ее внешности: темные круги под глазами, много мелких морщин, глубокие заломы возле обильно накрашенного рта и вечно слипшиеся ресницы. Наверное, преподавательница бухучета злоупотребляла алкоголем на ночь, но Озеров не желал знать, верны ли его догадки. Он в некоторой степени брезговал — коллега казалась ему назойливой неряхой.

- Очень плохой профессор -

— Не успею, наверное, — сухо ответил он.

— Брось! — Она бесцеремонно хлопнула его по плечу. — Подождут тебя твои студенты.

— Тогда черный.

Обильно накрашенные губы растянулись в улыбке:

— С сахаром? С молоком?

— Без.

Людмила все еще копалась в бумагах. Матвей Павлович взглянул на часы. Надо бы поторопиться.

— Держи. — Коллега протянула чашечку кофе.

— Благодарю, Татьяна Михайловна.

— Брось, какая я тебе Михайловна? — Брюнетка нагло прижалась к нему бедром. — Просто Таня. Мы с тобой еще молодые, не пристало нам по-стариковски друг друга звать, да?

Озеров натянул улыбку и кашлянул. Сделал глоток кофе и неприятно поморщился — сладкий.

— Я же вроде просил горький.

Коллега отмахнулась:

— Я все равно немного положила. Разве кто-то пьет совсем без сахара?

Озеров тяжело вздохнул и заметил, как Людочка метнула в женщину недовольный взгляд.

— Как не хочется идти работать! Я никогда не привыкну к этим лоботрясам! — отхлебывая кофе, воскликнула Татьяна Михайловна. — Как можно быть такими тупыми? Они двух слов связать не могут. Как ты их терпишь, Матвей?

— Среди них попадаются нормальные ребята, — сдержанно ответил мужчина.

— Малолетние нахалы! — скривилась коллега.

Наконец Людочка нашла нужный бланк и протянула ему.

— Спасибо. — Озеров взял ведомость и поставил чашку на столик у стены. — Спасибо за кофе, но мне пора.

— Задержись на минуту, хоть поболтаем! — хихикнула Татьяна Михайловна.

Матвей Павлович скользнул задумчивым взглядом по ее стройным ногам, поднялся выше — к осиной талии и пышной груди, а затем наткнулся на грубое лошадиное лицо.

— Простите, сейчас не могу.

Развернулся и вышел. Торопливо зашагал по коридору, ловя себя на мысли, что ищет в толпе студентов Ольгу. Мотнул головой, словно пытаясь отогнать ее образ, и тут же вынужден был притормозить, потому что теперь уже и в реальности увидел ее.

Девушка топталась возле порога его аудитории. Осторожно заглядывала внутрь, будто раздумывала, не уйти ли совсем.

Озеров приблизился к ней сзади почти вплотную, наклонился и громко произнес:

— Алексеева.

Ольга едва не подпрыгнула от неожиданности. Обернулась и уставилась на него. Застенчиво, смущенно, испуганно. Она глядела из-под ресниц и с трудом сдерживалась, чтобы не задрожать. Неужели он был таким грозным и страшным?

— Вы собираетесь входить, Алексеева? Или раздумываете, не прогулять ли мою лекцию? — строго спросил он.

Ее взгляд моментально потух.

— Простите, — голос девушки звучал мягко.

И это тихое «простите» неожиданно вернуло Озерова во вчерашний вечер, когда Ольга ужасно перепугалась и сбежала от него в подъезд.

- Очень плохой профессор -

Девушка прикусила губу, опустила глаза, развернулась и робко переступила порог аудитории. Видеть, как она уходит, было невыносимо. Матвей Павлович последовал за ней.

-9-

Девушка заняла свое место.

Лекции Озерова всегда были интересными, она черпала из них новые полезные знания и всегда слушала с удовольствием. Но после этой позорной сцены у дверей, когда он прилюдно унижил ее своим высокомерным: «Вы собираетесь входить, Алексева? Или раздумываете, не прогулять ли мою лекцию?» — девушка не желала ни видеть его, ни слышать.

Он, между прочим, вчера ей в трусики залез! Мог бы и повежливее обойтись с ней сегодня.

Она натянула рукава водолазки на кисти рук, уперла локти в стол и безучастно уставилась в противоположную от читающего лекцию профессора сторону. Привычно занавесившись от всего мира волосами, она обиженно сжала челюсти. Как он мог? Ему не было совершенно никакого дела до ее чувств. Чертов Робот!

Правильно все здесь про него говорили. Бесчувственный, неумолимый, непоколебимый Железный Человек! Киборг!

А ведь Оля так хотела, чтобы он разглядел в ней женщину. Чтобы хотя бы коротким взглядом, хотя бы полуулыбкой, но дал понять, что произошедшее вчера что-то да значило для него. Ведь она чувство-

вала. Его страсть, его желание, его напряженную плоть под брюками. Неужели он не мог сегодня не выпячивать перед всеми свое превосходство над ней? Грубиян!

— Староста, раздайте методички, — вдруг прогремело над ухом.

Алексеева вздрогнула. На стол рядом с ее локтем приземлилась стопка тонких мятых книжиц. Девушка медленно подняла взгляд и уставилась на профессора.

— Вы слышали, как я к вам только что обратился, Алексеева? — Его губы презрительно изогнулись.

Олю бросило в жар. Сердце застучало лихорадочно быстро. Да как он смел? Чего добивался?

— Да, — тихо отозвалась она.

По аудитории прошелестел гул голосов и смешков.

— Тогда будьте добры, исполните мое поручение, и поскорее.

Ох уж этот снисходительный тон. Прозвучало саркастично, даже издевательски, но тело профессора было напряжено, будто он готовился к броску. Возможно, его раздражало присутствие девушки на его лекции или вовсе факт ее существования на этом свете. Она не знала.

— Хорошо. — Алексеева встала и наградила его гневным взглядом.

— Благодарю вас. — Озеров не сводил с нее глаз.

Девушка наблюдала за его губами — сексуальными и опасными — и невольно вспомнила, как он целовал ее вчера. Лучше бы этот мужчина так и оставался для нее суровым, хмурым профессором. Жить, не представляя его в своих фантазиях, тогда было бы гораздо проще.

- Очень плохой профессор -

— Давай я помогу, — вскочил Артур со своего места в последнем ряду.

— Сядь, Юшков, — громыхнул Озеров.

Парень изумленно застыл в проходе между столов.

— Я ж просто хотел помочь, — поднял он руки.

— Я попросил старосту! Или вы староста, Юшков?

— Нет.

Алексеева сглотнула. Подхватила методички и метнулась к соседнему столу. Положила по две штуки перед одногруппниками, прошла к следующему.

— Хорошо-хорошо, — недовольно буркнул Артур, возвращаясь на место. — Вы не с той ноги сегодня, что ли, встали?

— Возможно, — отрезал Матвей Павлович.

Ольга подняла глаза и тут же наткнулась на его испытующий взгляд. Поспешила отвернуться и продолжила раздавать методические пособия. Руки ее не слушались, дрожали, а сердце ухало так, что шумело в ушах.

— Профессор, а зачет будет устным? — спросила какая-то студентка.

— Да. Возможно.

Он все еще стоял в проходе, поэтому Ольга, чтобы не нарваться на него, обошла ряд сзади.

— А те, кто посещал факультативный спецкурс, получают зачет автоматом, как в прошлом году?

— Да. Возможно.

— Его заело, что ли? — прошептал кто-то.

И по последним рядам прокатились сдавленные смешки.

Алексеева подошла к последнему столу и напоролась на холодный взгляд Мануш. Черные глаза мазнули по ней ледяным холодом. Не стоило Артуру всту-

паться за Ольгу: теперь его подружка почти взрывалась от ревности.

В этот момент Озеров как ни в чем не бывало продолжил лекцию, а Алексеева вернулась на свое место с пунцовыми от стыда щеками. Привычно теребила ворот водолазки и уговаривала себя не разреветься прилюдно. Он ее унизил. Выставил на посмешище! Бессовестный гад!

Когда прозвенел звонок, профессор никак не отреагировал. Продолжал монотонно бубнить еще минут пять, и никто не смел шевельнуться.

— На этом все. Можете быть свободны, — наконец сказал он.

Ольга вскочила, быстро кинула в сумку тетради и ручку и метнулась к двери.

— А вы, Алексеева, задержитесь, — прозвучало как приговор.

Сердце пропустило сразу несколько ударов. Она медленно обернулась и с трудом выдавила:

— Зачем?

— У меня есть вопросы... по вашей курсовой, — строго сказал профессор, не глядя в ее сторону и отмечая что-то в записной книжке.

Пальцы Алексеевой нервно впились в ремень сумки. Ей хотелось убраться подальше отсюда вместе с толпой одноклассников, ринувшихся к выходу, но выбора не было — никто не посмел бы ослушаться Озерова.

Пока все спешили к двери, она еле-еле шла к его столу. Каждый шаг давался с трудом — девушка будто направлялась на эшафот. Что это могло означать? Чего он от нее хотел? Унизить еще сильнее? Оскорбить — теперь уже наедине?

- Очень плохой профессор -

Озеров продолжал, наклонившись, что-то записывать в ежедневнике, а она осторожно пробиравалась к нему, не упуская возможности в подробностях рассмотреть мужчину. Все-таки с одним фактом невозможно было поспорить — этот гад по-настоящему привлекателен. Нет, роскошен!

Волевой мужественный подбородок, смуглая золотистая кожа, прямой длинный нос и пронзительные светло-зеленые глаза. Широкие, сильные плечи: мускулы бугрились даже под строгой светлой рубашкой. Одевался профессор всегда просто, но со вкусом. Его брюки, джемпера и сорочки выглядели ультрамодно. Особенно по сравнению с одеяниями остального мужского преподавательского состава университета.

Алексеева подошла и замерла у стола, полная решимости дать при необходимости отпор. Она тяжело дышала, ее руки продолжали дрожать. Девушка ожидала от профессора чего угодно, но только не того, что Озеров вдруг выпрямится, скрестит руки на широкой груди и молча уставится на нее.

- 10 -

Профессор дожидался, когда последний студент покинет аудиторию. Но назойливый Юшков будто специально долго возился с вещами, копался в идиотской, затасканной кожаной папке, которую вечно носил под мышкой, и кидал короткие, заинтересованные взгляды в их сторону.

Озеров еще в начале лекции заметил, что парнишка заглядывается на Алексееву. Смотрит на нее неотрывно, буквально прожигает взглядом. А то, что он хотел

вступить за девушку, только подтвердило догадки. И бесило отчего-то еще больше. Профессор ревновал, но не хотел признаваться в этом даже себе самому.

— Юшков, я тебя жду, — прозвенел чей-то голосок у двери.

Зуфарова. Матвей Павлович не всегда мог вспомнить, как зовут середнячков, но хорошо запоминал фамилии тех, кто опаздывал на его пары или учился из рук вон плохо. Отличников он тоже помнил. Но эта девушка относилась скорее к первой категории: вечно спящая на лекциях или рисующая комиксы на полях тетрадей Зуфарова. Довольно сообразительная, но жутко ленивая студентка.

— Меня? — Брови Юшкова приподнялись.

Он явно хотел задержаться и дожидаться Алексею.

— Тебя-тебя. — Мелкая Зуфарова почесала кудрявую башку. — Дело есть.

— Хорошо, — недовольно вздохнул Юшков, сунул папку под мышку и направился к выходу.

— Идем, — кивнула ему троечница. — Слышь, че скажу. Ты же этот, как его, пловец?

— Ага.

Хлопнула дверь.

Теперь они с Ольгой остались вдвоем. Отрезанные от всего мира стенами аудитории. И Озеров чуть было не растерял свою решимость.

Ольга терзала его своим гордым взглядом из-под ресниц. Матвей Павлович смотрел на нее и понимал, что сопротивляться своему желанию становится все труднее. Студентка терпеливо ждала, когда он заговорит, а мужчина с трудом мог дышать, не то чтобы подбирать слова или складывать их в предложения.

- Очень плохой профессор -

Узкая водолазка, обрисовывающая тонкие девичьи изгибы, высоко поднимающаяся на вдохе грудь, красивая, длинная шея, мягкие каштановые волосы, которые она то и дело поправляла. Красивая до сумасшествия. Ожившая фантазия, не иначе.

В животе у профессора все оборвалось. Наверное, не было в его жизни дня хуже, чем сегодняшний. Ноющая боль упрямо сжала внутренности. Нет, он не сможет запретить себе хотеть обладать этой девушкой, потому что даже простое желание поцеловать ее сейчас было острой занозой в воспаленной ране — раздирало его изнутри.

— Я вас раздражаю, да? — тихо спросила Ольга.

И облизнула губы.

Такое простое движение, и от самообладания Озерова разом ничего не осталось.

— Почему?

Алексеева нервно провела пальцами по розоватому пятнышку на виске.

— Вы ясно дали мне это понять на лекции.

Мужчина выдохнул и опять скрестил руки на груди. Если бы он так не сделал, кто знает, куда бы потянулись эти самые руки.

— Поймите, я не могу переключаться, как по щелчку. Таков мой стиль общения со студентами, иначе меня не станут принимать всерьез. Или вы обижаетесь, что я веду себя с вами так же, как со всеми? Согласен, получилось жестко, но я не могу выделять вас среди других студентов только из-за того, что произошло вчера.

Ее щеки вспыхнули, глаза блеснули обидой.

— А что произошло? Я ничего и не заметила. — Ольга выпрямилась, расправила плечи.